

Т. А. Черноверская

Новосибирский государственный педагогический университет

МАРАТ И ПОЛЬША: О ДВУХ «ПОЛЬСКИХ» РОМАНАХ ЖАНА ПОЛЯ МАРАТА

«Есть два Марата: Марат, которого знает весь мир, ужасный безжалостный проповедник гильотины, который требовал пятьсот тысяч голов для украшения Алтаря Отечества, не о нем речь; предпочитаю верить во имя чести рода человеческого, что такой негодяй никогда не жил на свете; но есть другой Марат, о существовании которого в настоящий момент никто не подозревает, тот, который был учеником и почитателем Жан-Жака Руссо, друг природы, что стоит большего, чем быть на его манер Другом Народа, ученый автор множества открытий в химии и физике, достойных Ньютона, энергичный писатель, который написал философскую книгу, достойную женеvского мыслителя», – заявил в 1847 году в беседе с двумя известными библиофилами Шарлем Нодье и Полем Жокобом Эме Мартен, приобретший у сестры Марата Альбертины рукопись его романа, известного в настоящее время под названием «Похождения молодого графа Потовского. Роман сердца» [13, t. I, p. 18].

Нельзя сказать, чтобы за прошедшие более чем полтора столетия ситуация с восприятием образа Жана Поля Марата в общественном сознании существенно изменилась, дореволюционный период его жизни – а Марату в 1789 исполнилось 46 лет – по-прежнему остается своего рода *terra incognita*, на которую переносится сильно мифологизированное отношение к нему как деятелю Великой Французской революции. К сожалению, встречается это и в трудах исследователей, и, право же, когда деятельность Марата в качестве врача и естествоиспытателя уже стала предметом серьезного, не ангажированного политически, изучения [6; 11; 12], некоторое недоумение вызывает отталкивающий образ живодера-вивисектора или обвинения его в шарлатанстве с не вполне внятными ссылками на труды полуторавековой давности [8, с. 196].

Однако если о деятельности Марата-естествоиспытателя русский читатель может составить некоторое представление [5, с. 86–115; 6; 7], хотя ей уделяется значительно меньше внимания, чем формированию и развитию социально-политических идей, то еще одна сторона его дореволюционного творчества – литературная, которая и собрала вместе в конце сороковых годов XIX века трех библиофилов, – остается практически неизвестной. Между тем роман, о котором идет речь, был даже переведен на русский язык и опубликован в 1907 году в «Новом журнале иностранной литературы, искусства и науки» [4], издававшемся Ф. И. Булгаковым: он и выпустил «Похождения молодого графа Потовского» в том же году отдельной книжкой – уже в другой типографии [2]. Публикация эта, судя по всему, не была известна Г. С. (Цви) Фридлянду, который не только посвятил роману несколько страниц своего монографического исследования [5, с. 53–59], но еще и включил фрагмент из него в издание «Памфлетов» Марата [3]. Г. С. Фридлянд был первым, кто поставил вопрос о месте романа в процессе формирования социально-политических воззрений Марата, – но именно этот подход позволяет утверждать, что роман Марата разделил историографическую судьбу ранних литературных опытов других деятелей Французской революции (и не только их), которые до самого последнего времени интересовали биографов лишь постольку поскольку в них можно было усмотреть предвосхищение будущих политических идей – или же отсутствие такового, – а вовсе не в качестве самоценного факта биографии в контексте своего времени и места.

Попробуем именно с этой точки зрения взглянуть на «Похождения молодого графа Потовского».

Роман этот, написанный, судя по всему, в самом начале 70-х годов XVIII века, не был опубликован автором, и после гибели Марата 13 июля 1793 г. хранился на протяжении четырех десятилетий у его сестры Альбертины, которая, будучи в весьма уже преклонных годах и в стесненных обстоятельствах, под конец своей жизни уступила рукопись библиофилу Эме Мартелю. Как сообщает в предисловии Луи Жокоб, Эме Мартель в течение нескольких лет отказывался публиковать поразившее его сочинение Марата [13, р. 9–17], но в конце концов уступил, и в 1847 году роман был напечатан частично в журнале

«Sicile» [5, с. 53], а в следующем 1848 – вышел отдельным изданием в двух небольших томиках.

«Похождения молодого графа Потовского» – это роман в письмах, форма достаточно традиционная для XVIII века: стоит вспомнить хотя бы, что в такой форме написаны и «Персидские письма» Ш. Л. Монтескье, и «Юлия, или Новая Элоиза» Ж. Ж. Руссо, и – позднее – «Опасные связи» Шодерло де Лакло, и многое другое. Сюжет романа в общем тоже достаточно традиционный – юных влюбленных, уже готовившихся к свадьбе, разлучает вражда, вспыхнувшая между их отцами, дело осложняется кознями, которые строит знатная дама, также влюбившаяся в молодого графа Потовского, но к финалу влюбленные воссоединяются. Письма написаны от лица нескольких разных персонажей, но подавляющее большинство текста составляют письма Густава Потовского к его другу Сигизмунду Панину.

О художественных достоинствах романа едва ли стоит говорить, – пусть Луи Жокоб и утверждает, что порою ему казалось, что он перечитывает «Новую Элоизу», а какое-то время спустя – «Любовные приключения шеваляе де Фоблаза» [13, р. 22] (заметим в скобках, что значительная часть действия известного романа Луве де Кувре также происходит в Польше), – к шедеврам мировой литературы «Похождения молодого графа Потовского» не отнести, скорее к литературе средней руки, не хуже – но и не лучше – многого из того, что выходило в те годы во Франции.

Определенный интерес представляет то, что Марат был, по-видимому, одним из первых, кто местом действия своего романа сделал Польшу [1, с. 160, 390–391] – а хронологические рамки, в которые заключен романский сюжет, позволяют понять, с чем это было связано.

Первое из писем в романе датировано 12 февраля 1769, последнее – 21 апреля 1771. Это было время, когда события, происходящие в Речи Посполитой привлекли внимание просвещенной общественности во Франции. В 1764 году польским королем был избран ставленник и один из фаворитов Екатерины II Станислав-Август Понятовский. Под влиянием и при непосредственном вмешательстве русской императрицы Станислав-Август предпринял попытку проведения ряда политических и социальных реформ, в том числе – уравнил религиозных диссидентов (главным образом православных Западной Украины, но

также и протестантов – лютеран и кальвинистов) в правах с католиками. Именно вопрос о диссидентах активно использовался правящими кругами не только России, но также Пруссии и Священной Римской империи (далее – Австрии) для вмешательства во внутренние дела Польши, он же стал и своего рода краеугольным камнем в образовании т. н. Барской конфедерации, объединения части польской шляхты против реформ Станислава-Августа и против вмешательства Екатерины II в польские дела. Вооруженное противостояние конфедератов и короля вылилось в кровопролитную гражданскую войну, в ходе которой конфедераты в свою очередь обратились за помощью к иностранным державам, и итогом конфликта стал Первый раздел Речи Посполитой между Россией, Пруссией и Австрией: в августе 1772 между тремя государствами было подписано соответствующее соглашение, и в 1773 сейм утвердил акт раздела.

Поскольку политика, проводившаяся Екатериной II в России, как и реформы, навязываемые ею Польше, воспринимались частью просвещенной элиты Франции как проявления просвещенной политики (просвещенного деспотизма), ее действия в целом, и борьба против конфедератов в частности, встречала у этих людей, прежде всего у Вольтера, всемерную и публичную поддержку [1, с. 386–392].

В свою очередь конфедераты тоже стремились заручиться поддержкой – как в правящих кругах, так и в общественном мнении Франции. В 1770 в Париже был опубликован на французском языке Манифест Барской конфедерации [1, с. 386], и туда же в качестве эмиссара прибыл Михаил Вильегорский, которому удалось через Шуазеля, в тот момент министра иностранных дел Франции, связаться сначала с Габриэлем Бонно де Мабли, а затем с Жан-Жаком Руссо, побудив обоих высказать свои соображения о положении дел в Польше и о путях ее преобразования, предоставив им в качестве источника информации собственные заметки [1, с. 353–354; 9, р. 54]. Ответом на предложение Вильегорского стали «Образ правления и законы Польши» Мабли (часть первая – август 1770) и отчасти полемизирующие с этим сочинением «Соображения об образе правления в Польше» Руссо (апрель–июнь 1771). Опубликованы в печати эти сочинения, как и заметки самого Вильегорского, были значительно позднее, однако, несмотря на обещание Вильегорского держать все

это в секрете, сочинения Мабли и Руссо очень скоро стали известны публике, они распространялись в списках, читались публично, на них давались ответы, и сведения об этом достигали и самой Польши [9, р. 54–55]. И хотя концепции этих двух авторов расходились в понимании того, что применительно к Польше должны означать понятия «патриотизм» и «нация», в отношении к космополитизму [9, р. 61], очевидно, что в войне Барской конфедерации симпатии и Мабли, и Руссо, – в противоположность Вольтеру, – целиком на стороне конфедератов, сражающихся против деспотизма.

Нет ничего невозможного в том, чтобы проживающий уже несколько лет в Англии Жан Поль Марат, активно занимающийся врачебной практикой и уже приступивший, вероятно, к работе над первыми большими философскими трактатами, – «О человеке» выйдет в 1773, «Цепи рабства» – в 1774, – мог быть знаком с посвященными Польше сочинениями Мабли и Руссо, был в курсе полемики, развернувшейся во французском обществе в 1770-72 годах по польскому вопросу; текст же «Похождений молодого графа Потовского» свидетельствует о том, что автор романа как минимум в общих чертах знаком и с положением дел в Польше, – и вполне вероятно, что источником информации была памятная записка Вильегорского, также ходившая в списках. Было бы небезынтересно сравнить с нею текст письма № XXIX от Сигизмунда Панина к Густаву Потовскому, в котором история возникновения конфликта излагается достаточно детально – и определенно с точки зрения конфедератов. Эта позиция противопоставляется точке зрения заглавного героя, который начинает рассуждать о политике, когда она вторгается в его жизнь, угрожая личному счастью, когда его отец присоединяется к конфедерации, что приводит к конфликту с соседом и к разрыву помолвки; в письме № XXVIII, на которое и отвечает его друг, Потовский, неоднократно подчеркивая, что не одобряет действия Екатерины, последовательно и аргументированно настаивает на неправоте конфедератов, выступивших против диссидентов, которые только и «требовали свободного отправления своих религиозных обязанностей и доступа к государственной службе». Можно заметить, что в отношении к войне Барской конфедерации симпатии Марата отданы полякам, – но не конфедератам! – в этой гражданской войне нет правой стороны, обе

несут ответственность за продолжающееся кровопролитие. В этом контексте вполне органично выглядит и, казалось бы, абсолютно вставной эпизод, помещенный автором в самой середине романа – рассказ Потовского о том, как едва покинув войско конфедератов, куда он вступил против своей воли, повинувшись исключительно сыновнему долгу, он повстречал в пути странствующего француза, с которым вел долгие беседы о правящих государях, среди которых его собеседник не нашел ни одного по-настоящему достойного (письмо № LII). Не случайно именно этот вставной эпизод, с остро критическими и при том вполне предметными рассуждениями и о деспотическом правлении государей, и о социальных проблемах управляемых ими стран, привлек в свое время внимание Г. С. Фридлянда [5, с. 54–58]!

Внимательное чтение «Похождений молодого графа Потовского» позволяет заметить, что Марат использует романную форму целиком в традициях культуры Просвещения – развлекая поучать: можно совершенно определенно утверждать, что не гражданская война в Польше выступает в качестве фона, на котором разворачивается любовная история, а напротив, романтическая история предоставляет автору возможность поделиться с читателем собственными размышлениями о проблемах современного мира, вкладывая их в уста разных персонажей.

Именно устами одного из них, француза, с которым судьба столкнула Потовского, Марат заявляет: «Эти державы, под предлогом восстановления мира вошедшие с оружием в руки в ваши опустошенные провинции, хотят только их занять, а вас обратить в рабство... Когда они увидят, что вы не в состоянии им сопротивляться и что их войска обеспечили обладание желаемыми провинциями, они разом снимут маски. Но так как не следует волновать умы, они поищут окраски для своих захватов. Чтобы одурачить глупую толпу, они выпустят манифесты, выкопают из земли предков, станут рыться в устарелых договорах, воскресят предполагаемые права, и вы в конце концов увидите, как окажется, что области принадлежат им и что вы владели ими неизвестно на каких основаниях» (письмо № LII, датированное 30 июля 1770). Вывод, закономерно вытекающий из предшествующего анализа политики государей, вполне может оказаться предсказанием, предвосхищением еще не свершившегося события: в последующие годы Марат, обладающий аналитическим складом ума,

неоднократно демонстрировал свою способность к такого рода предвосхищениям.

Но если так – здесь может быть ключ к уточнению времени создания романа. Счастливое воссоединение юных влюбленных оказывается возможным лишь в условиях примирения их отцов, которых развело в противоположные стороны отношение к Конфедерации. Руку дружбы протягивает старший Потовский, конфедерат: «Усталый жертвовать пустым мнениям заботою о моем покое, счастьем моей жизни, я, дорогой граф, закрываю сердце для криков раздора. Забываю прошлое и горю желанием возобновить, со стаканом в руке, тридцатилетнюю дружбу!» (письмо № LXXI, осень 1770). Последнее письмо в романе, где сообщается о грядущей свадьбе, датировано апрелем 1771. Такой финал едва ли мог быть написан после того как раздел Польши стал свершившимся фактом, когда и автор, и его будущие читатели уже знают, чем завершилась и чего стоила в конечном итоге Польше гражданская война, развязанная Барской конфедерацией – это знание непременно проявилось бы в тексте. Но это означает, что работа над романом была завершена скорее всего в период между датой последнего письма – и датой, точнее, временем, когда Россия, Австрия и Пруссия подписали договор о разделе Речи Посполитой (август 1772), нельзя исключить, что буквально накануне этого подписания.

Это, в свою очередь, позволяет сделать предположение относительно того, почему роман остался неопубликованным: когда раздел уже свершился, содержащееся в тексте предвосхищение такого именно развития событий становится лишенным смысла, а счастливый финал – психологически недостоверным. Это – а вовсе не сомнения в собственных литературных способностях, оставило рукопись пылиться в сундуке в течение многих десятилетий.

Существует еще один текст, имеющий заголовок «Польские письма», который также приписывается Марату. Рукопись его хранится в библиотеке Британского музея, и, публикуя в 1905 году перевод этого текста на английский [14], издатель и автор обширного предисловия, имя которого, к сожалению, не указано, вставляет в оба тома факсимиле нескольких страниц рукописи наряду со страницами из писем Марата в качестве образцов почерка – дабы продемонстрировать ее

подлинность. Тем не менее, принадлежность этого текста перу Ж. П. Марата изначально оспаривалась Ф. Шевремоном, одним из первых серьезных биографов Марата [10, t. I, p. 7]; сомнения на этот счет высказал и Г. С. Фридлянд [5, с. 58–59]. Справедливости ради следует заметить, что сомнения обоих исследователей основываются на сопоставлении идейной направленности «Польских писем» с общемировоззренческими и социально-политическими представлениями Марата в более поздний период: Шевремон противопоставляет материалистический характер текста свойственному Марату спиритуализму, Фридлянд настаивает на чуждости духу Марата принципа «подчиняйся законам своей страны» и идеализации английских порядков; кроме того, Шевремон, по его собственным словам, имел возможность познакомиться лишь с частью страниц этой рукописи. И хотя в настоящий момент у меня нет более основательных причин не согласиться с мнением этих двух уважаемых историков, полагаю возможным в дальнейших рассуждениях исходить из презумпции принадлежности перу Ж. П. Марата и этого текста тоже: это позволит провести некоторое сопоставление двух текстов и, возможно, пролить дополнительный свет на последний.

При знакомстве с обоими «польскими» романами, написанными в одном и том же жанре романа в письмах прежде всего не может не броситься в глаза, во-первых, что в отличие от «Похождений молодого графа Потовского», практически все «Польские письма» написаны от лица одного и того же персонажа, путешествующего по Европе поляка по имени Камия, который адресует практически все свои послания в Краков, другу, которого зовут Шава (в едва ли не единственном встречном послании от Шавы адресат назван не Камия, а Пуски – вероятно, таким было первоначально имя странствующего персонажа [14, vol. I, p. 103]). Условно-восточный характер этих имен также отличает этот роман от «Потовского», где Марат использует настоящие польские имена – или по меньшей мере стилизованные под польские. (Правда, еще Жокоб обратил внимание, что автор неоднократно смешивает реальные названия польских городов с родовыми именами [13, t. I, p. 7].) Думается, детальное сопоставление имен собственных, использованных Маратом с именами и географическими названиями, связанными с войной Барской конфедерации

позволит более адекватно оценить меру знакомства автора «Похождений молодого графа Потовского» с действительным положением дел в Польше рубежа 60–70-х годов XVIII века. Что касается автора «Польских писем», можно с высокой степенью уверенности утверждать, что Польша как таковая его практически не интересует, выбор именно поляка в качестве чужестранца, с критическим любопытством наблюдающего жизнь людей и порядки во Франции, Англии, Голландии, Швейцарии, в значительной мере обусловлен как раз тем, что сама Польша оставалась для западноевропейцев по сути неведомой страной, и Камия вполне может рассматриваться как наследник перса Узбека из «Персидских писем» Монтескье. Более того – и в этом следует согласиться с Ларри Вульфом, сама идея такого романа несомненно ведет свою родословную от сочинения Монтескье [1, с. 159]. Национальная принадлежность путешествующего по Европе персонажа для автора «Польских писем» имеет до такой степени второстепенное значение, что Камия, едва отплыв из Данцига в сторону Франции, сообщает своему другу, что решил отказаться от польского платья и отправляется к портному заказать себе французское, хоть оно и представляется ему смешным, узким, как сбруя... «Какое различие между ним и благородным, свободным платьем поляков!» [14, vol. I, p. 105–106]

Преобразившись таким образом, Камия отправляется в Париж, посещает Орлеан, Марсель, Гренобль, Лилль, Компьен, затем Лондон с выездами в Бристоль и Йорк, Портсмут – письма из Англии в первом томе занимают примерно столько же места, что и письма из Франции, и нельзя сказать, что герой так уж «превозносит Англию» [5, с. 59], понаблюдав за англичанами, он заключает: «Бог знает, на каких основаниях держится это странное безумие – считать их совершенными существами!» [14, vol. I, p. 211] – Далее Амстердам – из Голландии только два письма – Берн – Веве... В Швейцарии он задержался надолго... Заметим, что автор «Польских писем» проводит своего персонажа как раз по тем странам, с которыми был знаком Марат, и в которые он попадал именно как чужестранец – швейцарец по рождению, в юные годы, в начале самостоятельной жизни, натурализовавшийся во Франции, перебравшийся затем в Англию, где провел более десяти лет... О посещении им Голландии у меня нет дан-

ных, но исключить хотя бы кратковременное там пребывание – вполне достаточно для двух писем из Амстердама – невозможно.

Большую часть второго тома составляют письма из Швейцарии, где Камия встречает мудрого отшельника, от которого получает уроки философского скептицизма, а затем еще одного мудрого философа, который и советует ему «подчиняться законам своей страны». И эта часть романа вызывает ассоциации и с Руссо – сам эпизод напоминает встречу с Савойским викарием, проповедующим естественную религию в романе «Эмиль, или О воспитании», – и с Монтескье – рассуждения об относительности морали, о том, что у каждого народа свои моральные нормы напрямую отсылают к «Духу законов», – и с Вольтером, завершающим «Кандида» пожеланием каждому возделывать свой сад... И как определить, кто из персонажей в большей степени выражает позицию автора?

Но если мы признаём Марата автором «Польских писем», следующим выводом будет то, что этот роман написан ранее, чем «Похождения молодого графа Потовского». На это указывает не только появление во втором романе, в отличие от первого, вполне предметных и основательных представлений о Польше и ее проблемах, но и его более совершенная литературная форма, переход от практически непрерывного монолога – к диалогу и разноголосице персонажей.

Список литературы

1. Вульф Л. Изобретая Восточную Европу: карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. М., 2003.
2. Марат. «Друг Народа». Похождения молодого графа Потовского. Сердечный роман / издание Ф. И. Булгакова. СПб., 1907.
3. Марат Ж. П. О деспотизме в Европе (из романа «Польские письма») // Марат Ж. П. Памфлеты. М.; Л., 1934.
4. Новый журнал иностранной литературы, искусства и науки: ил. ежемес. издание / ред.-изд. Ф. И. Булгаков. СПб., 1897–1909.
5. Фридлянд Ц. Жан Поль Марат и гражданская война XVIII в. М., 1959. Т. 1. Изд. 2-е.
6. Цверева Г. К. Марат как естествоиспытатель // Природа. 1988. № 4.
7. Чихладзе Н. Н. Жан Поль Марат как естествоиспытатель и врач // Вопросы истории. 2001. № 8.

8. Чудинов А. В. Шарлотта Корде и «Друг народа» // Чудинов А. В. Французская революция: история и мифы. М., 2007.

9. Belissa M. Construire, reconstruire la republique polonaise: Mably et Rousseau // Republicanismes et droit naturel: Des humanistes aux revolutions des droit de l'homme et du citoyen. Paris, 2009.

10. Chevremont F. Jean Paul Marat. Paris, 1880. T. I–II.

11. Conner C. D. Jean Paul Marat: Scientist and Revolutionary. N.-Y., 1997.

12. Marat homme de science? / Sous la dir. de J. Bernard, J.-F. Lemaire, J.-P. Poirier. Paris, 1993.

13. Marat J. P. Un roman de coeur par Marat, l'Ami de Peuple. Publie pour la premiere fois, en son entier, d'après le manuscri autographe et precede d'une notice litteraire. Paris, 1848. T. I–II.

14. Marat Jean-Paul. Polish Letters by J. P. Marat, translated from the original unpublished manuscript. Boston, 1905. Vol. I–II.